

Вскоре после ухода монаха дождь прекратился, и Гу Цзяо отправилась в храм, чтобы забрать маленького Цзин Куна.

Последний провел в храме приятный и насыщенный день, точнее, полдня.

Он встретил доброго и внимательного старшего брата Цзин Чэня, нескольких других братьев, настоятеля и своих бывших товарищей по играм, молодых монахов - Цзин Фаня, Цзин Синя и Цзин Шаня.

Поскольку настоятель и старшие братья были заняты, он больше всего времени провел вместе с тремя маленькими монахами.

Без Цзин Куна, отбирающего их еду, теперь трое маленьких монахов хорошо питались и каждый из них был круглее, чем раньше.

Маленький Цзин Кун тоже был не таким, как прежде: он снял свою монашескую одежду и теперь был одет в одежду обычного деревенского ребенка, а на его маленькой некогда лысой голове красовался ежик из коротких волос.

На самом деле он был самым младшим среди маленьких монахов, но он был первым и лучшим оратором, настолько, что даже настоятель не смог превзойти его в этом.

Он с большой гордостью показал свое маленькое личико молодым монахам: «Видите маленькие росточки на моем лице? Это Цзяо Цзяо подарила их мне!»

«Я вижу, я вижу!» - ответил Цзин Фань.

«Я тоже вижу!» - сказал Цзин Синь.

Цзин Шань задумался на мгновение с растерянным выражением лица и медленно сказал: «Тогда ... я тоже вижу!»

Маленький Цзин Кун был очень доволен.

«А превратится ли росток в прекрасный цветок?» - спросил Цзин Фань, указывая на его маленькое лицо.

Маленький Цзин Кун сделал паузу и покачал головой: «Я так не думаю. Они вырастут только в поцелуи, которые все время будут оставаться на моем лице!»

«Ты можешь их съесть?» - спросил Цзин Фань.

«Я не могу их есть» - ответил маленький Цзин Кун.

Раз они не могли ни вырасти в красивые цветы, ни быть съеденными, то три маленьких монаха мгновенно потеряли интерес к маленьким росткам от поцелуя.

Но у Маленького Цзин Куна было припасено кое-что еще.

Он решительно достал банку с вегетарианскими фрикадельками, которую Гу Цзяо упаковала в его заплечную корзинку, и когда он открыл крышку, оттуда полился аромат хрустящего лука в масле, почти заполнивший большую часть двора.

Три маленьких монаха были ошеломлены.

Глаза Цзин Фаня расширились: «Что, что это так хорошо пахнет?»

У всех троих разинулись рты и потекла слюна.

Маленький Цзин Кун хотел есть мясо, но не мог, поэтому Гу Цзяо придумала, как приготовить для него вегетарианское мясо, используя такие ингредиенты, как тофу.

Таким образом, он мог есть все, что ели дома - например, если у них на ужин была жареная утка, он тоже ел "жареную утку"; если у них была копченая колбаса, он тоже ел "копченую колбасу"; если у них дома была тушеная свинина, он тоже ел "тушеную свинину".

Недавно семья ела фрикадельки, и он тоже ел свои собственные маленькие фрикадельки.

Маленький Цзин Кун съел маленькую фрикадельку на глазах у своих товарищей и потряс их своей силой!

Маленькие монахи снова были ошеломлены!

«Ты, ты, ты, ты ешь мясо?»

«Разве ты не падаешь в обморок, когда ешь мясо?»

«Боже мой, это ужасно!! Старшему брату придется нести тебя обратно домой!»

Маленький Цзин Кун не был совсем уж злым ребенком, и после своей бравады он признался в чем секрет этих фрикаделек: «Это вегетарианское мясо, Цзяо Цзяо сказала, что монахи тоже могут его есть!»

Сначала три маленьких монаха колебались, боясь, что их обманом заставят нарушить заветы, но в конце концов самый младший из них, Цзин Фань, с духом самопожертвования откусил кусочек, и после этого он уже не мог остановиться.

Маленький Цзин Кун, который до этого всегда сам выхватывал чужую еду, впервые столкнулся с тем, что это его лишали еды!

Он был ошарашен в течение трех секунд!

Это он носил звание главного храмового похитителя еды, который похищал ее ни много ни мало в течение трех с половиной лет. Кто бы мог подумать, что однажды он столкнется с тем, что его самого лишат еды?

Разграблению подверглись не только вегетарианские фрикадельки, не получили пощады ни пирожные, ни дикие фрукты.

Три его бывших горе-товарища, казалось, в мгновение ока отточили свои навыки воровства до максимума, лишив маленького Цзин Куна возможности защитить свою еду.

Маленький Цзин Кун с досадой стукнул себя в грудь своим маленьким кулачком. Это лишь вопрос времени, когда я верну вам все с полна!

Только сегодня три маленьких монаха осознали, что еда у подножия горы может быть такой вкусной!

Им вдруг тоже захотелось спуститься с горы. Но как это сделать?

Вчетвером они вполне ладили, если, конечно, на время откинуть мысли о сворованной еде.

Маленький Цзин Кун обрисовал своим маленьким товарищам свою жизнь у подножия горы, и когда он упомянул, что каждый день вынужден давать приют своему шуруну, маленький монах по имени Цзин Фань спросил: «Кто этот шурин? Он твой отец?»

Эти маленькие монахи были еще очень молоды и многого не понимали, они не были похожи на маленького Цзин Куна, который обладал невероятным умом, поэтому они не понимали, что означает слово "шурин", они знали только одно, что мужчина в семье должен быть отцом.

Маленький Цзин Кун вздохнул и сказал: «Это временный отец. Цзяо Цзяо может сменить его в любой момент».

Маленький Цзин Кун хоть и называл ее Цзяо Цзяо, но в душе он считал ее своей матерью, но он не был уверен, что Сяо Люлянь был его отцом.

В конце концов, по его наблюдениям за последнее время, этот отец еще официально не вступил в должность и в любой момент мог быть уволен.

Пока эти несколько детишек общались, их разговор как-то незаметно перешел к обсуждению домашних заданий.

Маленький монах Цзин Фань сказал: «За то время, что тебя не было с нами, мы выучили много буддийских сутр! Ты ведь еще не выучил их?!»

Цзин Синь согласился: «Верно!»

Цзин Шань также кивнул головой!

Маленький Цзин Кун поднял бровь и спросил: «О? И что же вы выучили?»

Маленький монах Цзин Фань: «"Сутру Сердца Праджняпарамиты"*!»

Маленький Цзин Кун развёл руками: «Я выучил её ещё в двухлетнем возрасте».

Маленький монах Цзин Синь: «"Сутра Будды Медицины"*!»

Маленький Цзин Кун опять пожал плечами: «Я выучил её, когда мне было два года и три месяца».

Маленький монах Цзин Шань: «"Сутра Сунаргама"!».

Маленький Цзин Кун почесал свое маленькое ухо и беспомощно вздохнул: «Это "Сутра Сурангама"***, глупый. Ты даже название перепутал. Вы действительно выучили их наизусть?»

Лица маленьких монахов покраснели от смущения.

Как мы могли все это выучить? Они только недавно, наконец-то, запомнили эти названия, они заучивали их несколько дней, от этого их мозг был совершенно истощен!

«Увы, нет смысла говорить с вами о Священных Писаниях. Лучше я пойду и найду настоятеля». Маленький Цзин Кун встал со ступенек и на своих коротких ножках засеменил к настоятелю.

Настоятель только что сел в зале для чтения канонов и богослужения и собирался читать проповедь и давать наставления собравшимся монахам, как вдруг к нему поспешил молодой монах-послушник и сказал: «Настоятель, простите, к вам пришел Цзин Кун! Он хочет поговорить с вами о Священных Писаниях и медитации!»

Тело настоятеля непроизвольно задрожало, и буддийские четки в страхе выпали из его рук.

Эта ... Эта изводящая мой мозг мелюзга снова хочет поговорить со мной о Священных Писаниях и медитации?

Это окончательно доконает меня!!!

Маленький Цзин Кун изучал буддийские сутры с раннего детства, и был настолько любопытен, что мог задать десять вопросов к только что прочитанной настоятелем строчке из писаний, и обычно это заканчивалось тем, что хорошо, если настоятель мог ответить хотя бы на один из них!

«Вы говорите, что "все видимое иллюзорно", значит, все, что я вижу иллюзорно, так неужели и настоятель иллюзорен? А раз настоятель иллюзорен, то и то, что он говорит, тоже ложь! Значит я не могу верить настоятелю, тогда я не могу верить сутрам, которые настоятель читает мне! Сутры тоже ложь!»

Настоятель: Хотя все это звучит совершенно бессмысленно, однако, если задуматься, то в этом чувствуется какая-то доля истины ...

Настоятель пришел в себя в соответствии со своим превосходным профессионализмом и терпеливо начал объяснять ему.

Выслушав его объяснения, маленький Цзин Кун возразил: «Я не думаю, что то, что вы сказали, правильно!»

Настоятель: «Как это неправильно? Это потому, что ты слишком молод, чтобы понять!»

Маленький Цзин Кун: «Будда такой умный, у него должен быть способ заставить меня понять, это вы неправильно передали смысл его сутр, это не моя проблема, это проблема настоятеля!»

Подобные разговоры повторялись слишком много раз. Чаще всего настоятелю не удавалось убедить его, и Цзин Кун, используя свой собственный набор логики, совершенно сбивал с пути других молодых монахов.

Страх, что над ним будет доминировать маленький Цзин Кун, навалился на него, и настоятелю как-то сразу поплохело.

Когда Гу Цзяо, наконец, пришла за маленьким Цзин Куном, последний уже давно успел вызвать черный дым из голов монахов, присутствующих зале для чтения канонов и богослужения, от заданных им вопросов!

«Настоятель, я уже ухожу. Мы продолжим наше обсуждение в следующий раз!» Маленький Цзин Кун держался одной рукой за Гу Цзяо, и, повернув голову, помахал другой, прощаясь с настоятелем.

Настоятель, который ненавидел, когда его оставляют в дураках, имел пепельно-бледное лицо: Пожалуйста, никогда больше не приходи сюда, хорошо ...

Братья и сестры шли рука об руку вниз по склону горы.

Маленький Цзин Кун был так взволнован, что хотел спуститься вниз побыстрее, поэтому ускорился.

Однако только что прошел дождь, и дорога была скользкой, поэтому Гу Цзяо боялась, что он скатится вниз, как маленькая зимняя дыня, и поэтому не решалась отпускать его руку.

«Ты сегодня хорошо провел время?» - неожиданно спросила Гу Цзяо.

«Да!» - энергично кивнул маленький Цзин Кун, поднял вверх руки, чтобы сосчитать: «Сегодня я встретился с Цзин Синем, Цзин Фанем, Цзин Шанем, старшим братом Цзин Чэнем и настоятелем ...»

Он перечислил еще много имен, всех, кого он сегодня встретил в храме.

«Разве ты не видел своего учителя?» - спросила Гу Цзяо.

Маленький Цзин Кун вздохнул и сказал: «Этот старик появляется как дух и исчезает как призрак****, его редко можно застать на горе».

Старик?

Гу Цзяо сразу подумала о странном монахе, которого встретила в лесу, последний был так молод, что не мог быть тем стариком, о котором говорил маленький Цзин Кун, верно?

Гу Цзяо не знала, что маленький Цзин Кун назвал его стариком, просто в силу разницы их возрастов и своего детского восприятия, на самом деле, его учитель не был таким уж старым, он был моложе настоятеля храма более чем на двадцать лет!

Гу Цзяо добавила: «Итак, есть ли в храме очень красивые монахи? Кто самый красивый?»

Внешность того монаха была почти на одном уровне с внешностью Сяо Люланя, и она была уверена, что другого такого не сыщешь под этими небесами.

«Да!» Маленький Цзин Кун с очень серьезным видом поднял голову и ткнул себя в грудь: «Это я!»

Гу Цзяо: «...»

Гу Цзяо спросила: «А кроме тебя».

Маленький Цзин Кун сказал с беспрецедентной уверенностью: «Нет такого. Я самый красивый маленький монах под этими небесами! Кроме меня, никто из них не красив!»

Мой учитель также не был красивым!

Хотя последний всегда повторял, что это он самый красивый монах под этими небесами, однако маленький Цзин Кун считал себя самым красивым, поэтому он никогда в жизни не признал бы, что его учитель красив!

Гу Цзяо больше ничего не сказала.

Может этот человек не был монахом в этом храме?

Примечание:

* - Сутра Сердца Праджняпарамиты - («Сутра сердца совершенной мудрости» или просто «Сутра сердца») — написанный на санскрите священный буддийский текст, являющийся частью канона Махаяны;

** - Сутра Будды Медицины (Сутра Бхайшаджьягуру) - Сутра основных обетов, заслуг и добродетелей Будды Бхайшаджьягуру;

*** - Сутра Сурангама или Сутра Шурангама — сутра махаяны, один из основополагающих текстов чань-буддизма, на который ввиду его сложности составлено множество комментариев;

**** - появляться как дух и исчезать как призрак - мгновенно, как по волшебству; неуловимо.

Перевод: Флоренс

<http://tl.rulate.ru/book/63867/2044478>